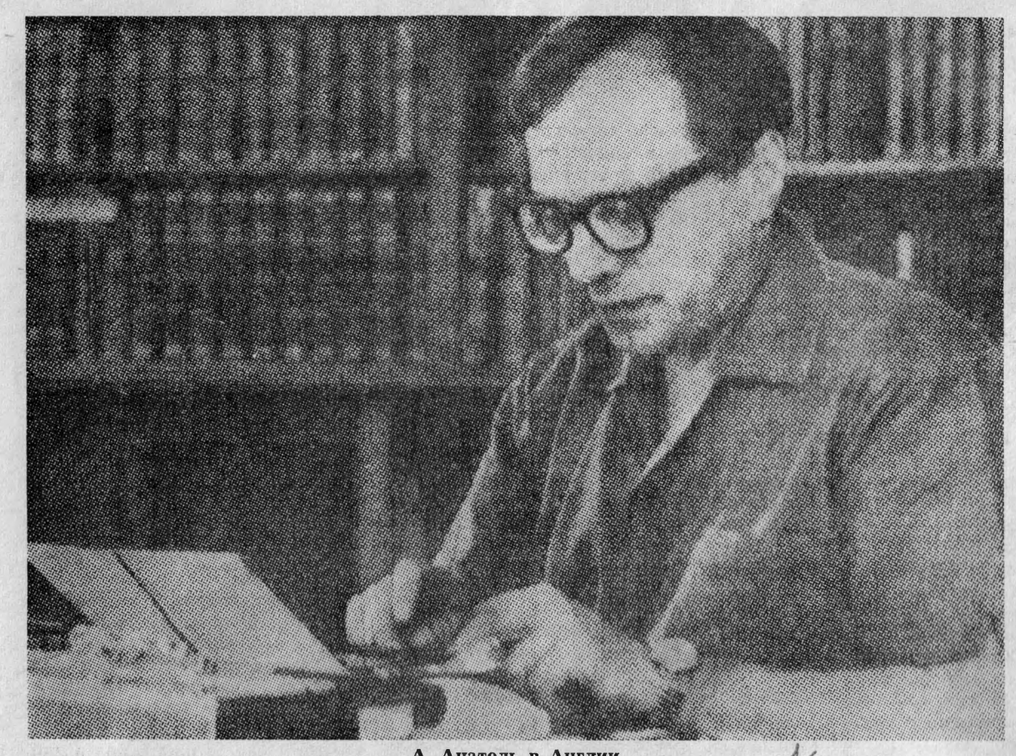

А. Анатоль в Англии.

ДЕЛО КУЗНЕЦОВА

Что ждет Кузнецова?

ПО "SUNDAY TELEGRAPH"

«Русская Мысль» выражает свою благодарность "Sunday Telegraph", любезно разрешившему перепечатку (в переводе с английского) публикуемых им документов. Приводим их в сокращенном виде.

15-ГО АВГУСТА 1969 года, Кузнецов выступал по британскому телевидению. Он сказал: «Я хочу видеть мои книги изданными в том виде, в каком я их написал. Это мое бесповоротное решение. Когда я этого добьюсь, вы можете делать со мной, что хотите, можете меня даже убить».

Выдержки из его «Дневника из Другого Мира» начнут публиковаться в «Сендей Тэлэграф» с 17-го августа.

В России семь миллионов его книг будут сожжены стараниями секретной полиции КГБ.

Кузнецова пугали затруднения, которые представляла жизнь в изгнании.

Кузнецов

«Русские особенно привязаны к своей стране», — продолжал он. — Где бы они ни жили, они всегда тоскуют по своей родине. Я думал об этом психологическом препятствии целый год и пришел к заключению, что, несмотря на тоску по родине, мне все же будет лучше здесь, чем в России».

В ТЕЧЕНИЕ нескольких недель Анатолий Кузнецов, русский писатель, нашедший убежище на английской территории, будет находиться под угрозой настоящей опасности.

Советское правительство, во что бы то ни стало, хотело бы его заманить обратно в Москву и, если он даст им малейшую возможность к этому, он попадет в их лапы.

Каждый читатель, думающий, что это утверждение мелодраматично, должен был бы вспомнить о молодом ученом Владимире Ткаченко, которого схватили и втолкнули в посольскую машину на Бэйсуотер Род в 1967 г.

Он был в Бермингаме в качестве студента и его намерения просить о политическом убежище были известны его окружению.

Внезапно он исчез. Он был привезен в Советское посольство, одурманен наркотиками, а затем доставлен на аэродром Хисроу и погружен на самолет, отправлявшийся в Москву. В последний момент полиция окружила самолет, мешая его отлету, и вытащила Ткаченко.

Английское правительство тем временем узнало, что Ткаченко желал вернуться в Россию. Тогда он был передан Советскому посольству.

Этот эпизод вызвал волнение среди русских эмигрантов в Англии.

Кузнецов, писатель с мировым именем, будет гораздо большей обузой для русских, чем неизвестный студент физик, и их усилия доставить его обратно в Сов. Россию будут более напряженными.

Одним из досадных для них затруднений будет извлечение из печати и уничтожение миллионов учебников, в которых цитируются примеры из его первой книги «Продолжение легенды». После этой чистки учебники придется печатать заново. Предположим, что он останется в живых после опасного периода. Что ждет его дальше? Деньги у него есть, так как, будучи официально отправлен в Лондон, он имел при себе сто фунтов стерлингов и, кроме того, ему надлежит получить суммы, которые ему должны за его вышедшие книги, изданные в СССР, в Америке, во Франции, в Голландии и в Японии.

Помимо того, что ему могут принести его произведения, он может обеспечить свое существование переводами. Технические переводы очень хорошо оплачиваются. Один русский механик поступил на место рабочего по своем приезде, но очень скоро выяснил, что он может зарабатывать 10 фунтов стерлингов в день, занимаясь переводами английских технических документов на русский. Теперь он очень хорошо устроен.

Ни одного новоприезжего в Великобритании не ожидает нужда. Если человеку не удается сразу устроиться, то он может рассчитывать на поддержку Социального Страхования в течение первых месяцев. Частные лица тоже часто оказывают значительную помощь: «первый, проведенный мною месяц был целой серией приглашений, — сказал Леонид Финкельштейн, известный советский издатель, прибывший в Англию без денег и без контракта в 1966 г.

«Меня приглашали на завтраки и обеды совершенно неизвестные мне люди».

Деньги конечно, большая поддержка, но это не все. Русская колония в Англии это разрозненная горсточка русских белых и других эмигрантов и убежденных антикоммунистов. Она не имеет никакой общественной жизни.

Одна из причин такого положения основывается просто на малом количестве эмигрантов, живущих в Англии. Количество беженцев, попавших сюда со времени войны не превышает сотни человек. Другая причина психологическая — после 50 лет под гнетом секретной полиции дома, русские даже в Лондоне опасаются регулярно собираться.

Они справедливо думают, что в любую из их организаций непременно проникнут советские агенты.

Многие русские эмигранты читают свободную газету «Русская Мысль», издающуюся в Париже.

„ПОЧЕМУ Я ПОКИНУЛ РОССИЮ"

СОРОКАЛЕТНИЙ советский писатель Анатолий Кузнецов обратился 28 июля 1969 г. к английским властям с просьбой об убежище. Он сделал свое первое публичное заявление Давиду Флойду, корреспонденту «Сэндей Телеграф» и объяснил причины, побудившие его остаться на Западе.

Прежде всего он сказал, что отказывается от своей фамилии и от всех опубликованных произведений, написанных под этой фамилией. «Кузнецов», по словам писателя, был конформистом, бесчестным, трусливым автором. Под всеми его будущими произведениями будет стоять подпись: А. Анатоль.

Затем он рассказывает о причинах своего бегства:

1) Все, что он писал, видоизменялось советскими цензорами и сводилось к идеологической стряпне.

«Я не мог больше ни писать, ни спать, ни дышать».

2) В Сов. России литература проверяется невеждами, циничными людьми, не знающими ничего, кроме главных догматов партии.

3) Свобода искусства в Сов. России сведена к «свободе» прославлять советскую коммунистическую систему.

Письма в Россию.

Кузнецов передал Д. Флойду копии писем, посланных им в Москву. В этих письмах он официально отказывается от принадлежности к Сов. Коммунистической Партии и Союзу Писателей СССР.

В письме, адресованном сов. правительству, он сообщает, что он уже давно решил бежать из СССР и что на подготовку этого побега ему понадобился целый год. Он даже приготовился к тому, чтобы в случае необходимости плыть под водой при переходе границы.

Он прибавляет: прошу сов. правительство не преследовать мою мать, моего сына, мою жену или мою личную секретаршу... Клянусь, что они ничего не знали о моих намерениях. В конце заявления он сказал, что он не желает встретиться ни с одним советским чиновником до тех пор, пока Россия не дарует Чехословакии официально полную свободу и не выведет свои войска из этой страны навсегда.

«Ни одно из моих произведений не было напечатано так как я его написал».

Может быть это трудно понять — почему писатель решает не возвращаться к себе на родину которую он к тому же любит, где его книги продаются в миллионах экземпляров, где он пользуется широкой известностью и материальным благополучием.

Я потерял надежду. Я просто не могу там больше жить. И это чувство во мне сильнее меня самого. Если бы я теперь снова оказался в Сов. России, я сошел бы с ума.

Десять лет я жил в состоянии непрерывного, неизбежного и безысходного противоречия. Наконец, я просто бросил литературу.

Я написал мой последний рассказ «Огонь» безо всякого чувства в моем сердце, без веры и без надежды. Я знал заранее, что если даже они его опубликуют, они безжалостно вычеркнут из этого рассказа все человеческое и он появится в печати, как лишняя «идеологическая» стряпня (и в действительности именно так и произошло). Я дошел до такого состояния, что не мог больше писать.

Трагедия русских писателей.

В литературе ценно то, что ново, что содержит нечто оригинальное в искусстве. Писатель прежде всего артист, старающийся проникнуть в неизвестное. Он должен быть честным, объективным и его творческая работа должна созидаться без помех, в состоянии свободы. Эти условия — прописные истины. Но именно в этих условиях отказано писателям в Сов. Союзе.

Свобода артиста в Сов. Союзе сводится к «свободе» прославлять советский режим, коммунистическую партию и призывать народ к борьбе за коммунизм.

Написанная Лениным 60 лет назад статья «Организация партии и партийная литература» служит теоретическим основанием такого положения вещей. По словам Ленина, каждый писатель должен быть одновременно партийным пропагандистом. Ему вменяется в обязанность получать лозунги и приказы партии и составлять из них пропагандную литературу. Таким образом писатели в России стоят перед следующим выбором:

— просто следовать идиотским предписаниям, не связывая ни свой мозг, ни свою совесть с действительностью.

Если Сталин стоит у власти — они прославляют Сталина. Если партия приказывает народу сеять кукурузу — они должны писать о кукурузе. Если партия решает выставить напоказ преступления Сталина — то же должно отразиться в литературе. А когда партия прекращает его критиковать — вы тоже должны прекратить критику. Таких советских писателей много. Но реальная жизнь не прощает человеку, который кривит душой. Все эти писатели стали циниками и духовными калеками; их грызет совесть — или ее остатки — за их погубленный талант, за их исковерканное существование, которое нельзя назвать жизнью. Трудно представить себе худшее наказание для человека, который проводит всю свою жизнь, дрожа от страха. Съеживаясь от ужаса перед возможными наказаниями, запуганный советский писатель старается понять смысл самых последних распоряжений, опасаясь совершить малейшую ошибку.

Вторая возможность выбора сов. автора — писать честно, так как ему подсказывают его способности и его совесть. В этом случае сто шансов против одного, что его произведение не будет напечатано. Оно будет просто сдано в архив. Оно даже может стоить жизни автору.

Третья возможность — писать честно до определенной границы. Выбирать сюжеты, не представляющие никакой опасности. Писать иносказательно, выискивать трещины в цензуре, через которые можно пролезть. Пускать по рукам вашу рукопись, но только не на антисоветские темы. Иначе вы будете арестованы.

Я принадлежал к писателям, выбравшим этот, третий, путь. Но я не мог работать для себя. Цензура всегда брала надо мной верх.

Моей большой заботой было желание сохранить хоть что-нибудь из моих произведений, чтоб они дошли до читателя. Желание это оправдывалось для меня тем, что все мои опубликованные сочинения не могли быть причтены к настоящей литературе и не могли быть отвергнуты, как совсем негодные. Они занимали среднее положение в литературной оценке. Они были каким-то ни на что не похожим результатом сделки между цензурой и совестью автора.

Мои многочисленные протесты, мои стремления отстоять перед цензурой тот или иной пункт оставались безрезультатными. С таким же успехом я мог бы биться головой о стену.

В Сов. Союзе литературной цензурой руководят люди несведующие, циничные и по своему характеру и знаниям стоящие далеко от литературы. Зато они очень сведущи в последних распоряжениях свыше и в главных и нерушимых партийных догматах.

Я не мог пробиться сквозь их ряды. Евтушенко удалось кое-чего добиться на этом пути. Солженицын продвинулся еще дальше. Но это были временные послабления, которым скоро пришел конец. Трещины в цензуре были замечены и снова зацементированы. Кошмару нет конца. Русские писатели продолжают писать и продолжают на что-то надеяться.

В течение четверти века я мечтал о лучших временах, невообразимых для советского писателя — писать и публиковать свои труды без ограничений и без страха; не заглушать свою собственную песнь, не думать о партийных заданиях, об издателях, назначенных правительством и о политической цензуре; не дрожать при малейшем стуке в дверь; не закапывать в землю рукописи с почти невысохшими чернилами.

Моим несгораемым шкафом была земля.

Сколько ям я выкопал, чтобы спрятать в них банки из-под варенья, которым я поручал сохранность моих «опасных» и «подозрительных» рукописей. Я не мог их хранить в ящиках моего письменного стола, так как в любую минуту моего отсутствия «заинтересованные лица» могли ворваться в мою квартиру, обыскать ее и забрать мои рукописи, как это случилось с Солженицыным и со многими другими.

В моем письменном столе вовсе не было ящиков. Сама русская земля служила мне одновременно и письменным столом и несгораемым шкафом.

Я был одержим желанием увидеть хотя бы одно из моих произведений напечатанным в том виде, в каком я его написал. Хотя бы один раз. Потом пусть они делают со мной, что хотят. Да, я стал больным человеком, маньяком.

Я отрекаюсь от себя самого.

Мальчиком я видел в 1937-ом году, при Сталине, сжигаемые книги. Я видел книги, объятые пламенем в 1942-ом году в занятом немцами Киеве. Богу было угодно, чтобы еще в течение моей жизни я узнал, что теперь сжигают мои собственные книги. После того, как я покинул Сов. Союз мои книги вне всякого сомнения будут уничтожены.

Те или иные книги всегда уничтожались в России по политическим причинам. Почему же мои книги стали бы исключением? Я молюсь о том, чтоб они были уничтожены от первой до последней. Ведь их содержание не соответствует тому, что я хотел сказать моим читателям. Иными словами — это не мои книги, я отрекаюсь от них.

Публично и окончательно я отрекаюсь от всего того, что было опубликовано под фамилией «Кузнецов» в СССР или появилось в переводе с советских изданий во всех странах мира.

Я торжественно заявляю, что Кузнецов — бесчестный конформист, трусливый автор. Я отказываюсь от этого имени.

Я, наконец, хочу быть честным человеком и честным писателем. Все мои произведения, которые появятся в печати, начиная с сегодняшнего дня, будут подписаны «А. Анатоль». Я прошу вас обратить внимание на мое заявление и считать моими книгами только те, которые будут изданы под вышеуказанным именем.

На что я надеюсь.

За последние годы я иногда позволял себе своеобразное удовольствие. Запершись в одиночестве моей комнаты я писал так как мне хотелось. Это было мучительным и необычным переживанием. Мне казалось, что в мире где все ходят на четвереньках, кто-то запертый в погребе вдруг поднялся и стал ходить, как человек.

Затем, в течение нескольких месяцев, я выкапывал свои рукописи из земли, фотографировал их и опять закапывал. Мне удалось перенести эти микрофильмы через границу — тысячи сфотографированных страниц, все, что я написал. Среди них имеются и мои известные произведения, как, напр., «Бабий Яр», но в своей настоящей версии, и сочинения, которые не могли быть опубликованы в России и те, которые я вряд ли смогу опубликовать в западных странах.

Но теперь у меня, наконец, есть надежда. Наконец...

Во всяком случае, это не будут труды Кузнецова, а совсем другого автора. Не советского и не западного, ни белого, ни красного, — просто автора, живущего в 20-ом веке на земле.

И что еще важнее, сделавшего попытку быть в своем 20-ом столетии честным писателем, желающим присоединиться к тем, кто борется за человечество в настоящей дикой жизни в этом сумасшедшем мире.

Письма А. Кузнецова

Вот полный текст трех писем А. Кузнецова, посланных им в Советский Союз.

ПИСЬМО СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Я остаюсь в Англии, чтобы быть в состоянии продолжать на свободе работу, которая является главным содержанием моей жизни — занятие литературой.

Я принял это решение уже давно, всесторонне обдумав его, и готовился целый год к его выполнению.

О моем решении никто не знал. Условия жизни в Советском Союзе таковы, что каждый человек следит за своим соседом, доносит на него, и лицемерие — естественное и неотъемлемое качество каждого гражданина. Вполне естественно, что я никому не мог поверить мои планы и надежды.

К тому же мне уже два раза отказывали в заграничной поездке. Я отдавал себе отчет в том, что если мне будет отказано в третий раз, то мне никогда не удастся выехать из России.

Я сделал нужные приготовления, чтоб в случае необходимости перейти границу, плывя под водой. Мне приходится перечислять все эти детали, чтоб дать понять, какое серьезное дело я предпринял, и что никто посторонний не мог быть в него замешанным.

Я прошу советское правительство не преследовать мою мать, моего сына и мою личную секретаршу. Им и теперь тяжело, а будет еще хуже, так как мой заработок был их единственным средством к существованию.

Я вас прошу не конфисковывать их имущества и не лишать их квартиры. Я клянусь, что они ничего не знали о моем проекте.

Я уведомил советское посольство в Лондоне, что не имею ни малейшего намерения встретить какого бы то ни было советского чиновника. Прошу вас дать этому посольству соответственные распоряжения, чтобы меня оставили в покое.

По личным убеждениям я решил, что если мне когда-нибудь доведется встретиться с советским чиновником и протянуть ему руку, то это произойдет только в том случае, если СССР даст полную свободу Чехословакии и навсегда уведет оттуда свои войска.

Если какая-нибудь советская организация желает мне предъявить какие-либо счета по заключенному мною контракту, я обязуюсь уплатить по ним в течение года с момента их получения.

Я прошу извинения за обман, к которому я вынужден был прибегнуть для получения официального разрешения выехать из России. Этот обман был мне навязан. Вы сами создали условия, при которых невозможно даже съездить за границу, не пускаясь на хитрости.

Анатолий Кузнецов

1-го августа 1969.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Заявление

В результате многолетних размышлений, я полностью отверг Марксизм-Ленинизм.

Теперь я считаю, что эта доктрина устарела, потеряла гибкость и в наши дни стала просто наивной. Она совершенно неспособна разрешить противоречия, возникающие в современном обществе. Кроме того, что еще хуже, она вела, ведет и будет вести, если верить ее догматам, к ужасным социальным трагедиям.

Я не могу оставаться членом Коммунистической партии, которая основывает свою политику на этой доктрине. Прошу вас не считать меня больше членом КПСС.

Настоящим заявлением я отказываюсь от моих обязанностей партийного секретаря Союза Писателей Тульской области. Там я оставил мою членскую карточку.

Кузнецов,
Анатолий Васильевич
Член КПСС с 1955-го года.
Лондон, 1-го августа 1969.

СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Заявление.

В 1959-ом году я стал членом Союза Советских Писателей. С тех пор я написал большое количество работ, в которых я старался следовать принципам «социалистического реализма». Но с каждой написанной книгой становилось все яснее, что препятствия увеличиваются, а свобода творчества неуклонно ограничивается.

После долгого размышления и большого практического опыта мне стали понятны невероятная фальшь, глупость и реакционный характер «социалистического реализма».

Официальная советская литература совершает иногда самые ужасные промахи или погружается в состояние полной прострации. Я убежден что она этим обязана «нажиму сверху». Диктаторские приемы принуждают ее к «социалистическому реализму», и, в особенности, к партийному содержанию литературных произведений.

Я больше не желаю оставаться членом Союза Писателей СССР. Прошу вас освободить меня от принадлежности к вашему Союзу и от моих обязанностей помощника секретаря Союза писателей Тульской области.

Анатолий Кузнецов

Лондон, 1-го августа 1969.

КНИЖНЫЙ СКЛАД ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ПОСЕВ"

12-ый ТОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Валерия Тарсиса

содержание:

Седая юность (ПОВЕСТЬ)

и

Рассказы, написанные иголками в уголках глаз.

В книге 290 стр. Цена 26 фр. фр. или 22.— ДМ

Цена в США и Канаде — 6 долларов

Имеются на складе книги того же автора:

Палата № 7. Том 7, стр. 152. Цена — 17.— ДМ или 4.25 ам. долл.
Комбинат Наслаждений. Том 14, стр. 546. Цена 29.80 ДМ или 8 ам. долл.
Сказание о синей мухе. Красное и Черное. Том II, стр. 168. Цена 14.— ДМ или 4 ам. долл.
Все книги в переплетах с золотым тиснением, в цветной суперобложке.

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЕТ:

" POSSEV " D-623 Frankfurt/Main-80, Flurscheideweg 15, Allemagne Occ.

Николай Лосский

Воспоминания

Жизнь и философский путь

Печатается впервые с примечаниями сына Б. Н Лосского. Послесловие Д. Чижевского.

Германия 1969. 338 стр. в холщевом переплете ДМ. 56.—

Анатолий Марченко

Мои показания

Книга — свидетельство о послесталинских лагерях.

Франция 1969. Цветная обложка. 370 стр. ДМ 12.—

A. Neimanis

8, München 2, Linprunstrasse 11, GERMANY.

и в магазинах, торгующих русскими книгами.

ТРЕБУЙТЕ НАШИ НОВЫЕ БЕСПЛАТНЫЕ КАТАЛОГИ НА 1969 ГОД

О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ И СЕКРЕТНЫХ ПОЛИЦИЯХ

«ЩУПАЛЬЦЫ КГБ ПРОНИКАЮТ, КАК РАКОВЫЕ ОПУХОЛИ, В КАЖДУЮ ОТРАСЛЬ ЖИЗНИ РОССИИ».

Я ХОЧУ вам рассказать ужасную историю. Иногда мне кажется, что ее никогда не было, что это просто был кошмар. Если бы только это действительно был кошмар...

Советский правительственный аппарат крепко стоит у власти благодаря секретной полиции, или советскому Гестапо, как бы она ни называлась: Чека, ГПУ, НКВД, МГБ или КГБ.

Каждому образованному человеку известно, что количество людей, расстрелянных, повешенных, замороженных в концлагерях насчитывается многими миллионами. Но если мы обратим внимание на количество людей живущих в постоянном терроре и морально искалеченных им то нам придется включить в их число все население СССР. Щупальцы КГБ проникают повсюду и главным образом, в область советской литературы.

Я не знаю ни одного советского писателя, которому не пришлось бы столкнуться с КГБ.

Я объясню на своем собственном примере, как действует эта адская механика. Мой пример не единичен. Такую же историю может рассказать любой советский писатель, даже малоизвестный. Но они существуют, они хотят жить и поэтому они не могут протестовать.

В августе 1961 г. я готовился к моей первой поездке за границу, во Францию, с группой советских писателей. Участвовать в такой поездке могли только те лица, у которых были «чистые» бумаги, за деятельностью которых достаточно долго следили, у которых не было никаких неприятностей по службе, которые ни разу в жизни не побывали у психиатра, не были под судом и т. д.

Я уже прошел через всю эту проверку и паковал свой чемодан, когда ко мне явились два агента секретной полиции. Они пошутили, поболтали о литературе и затем приступили к делу:

«Вы, конечно, догадываетесь, почему мы к вам пришли. Один из наших сотрудников поедет с вашей группой, как обычно. Но ему будет трудно за всем усмотреть. Вы будете ему помогать. Следите за тем, чтобы кто-нибудь из группы не улизнул и не остался бы за границей, а также кто с кем разговаривает и как каждый себя ведет».

— Нет, не могу, — ответил я.

— Вы должны.

— Пусть кто-нибудь другой этим занимается.

— Другие тоже будут этим заниматься.

— А я не хочу.

— Ну, тогда нам придется пересмотреть это дело... для чего же вы в таком случае едете?

Я молчал, совсем обескураженный.

Оба агента принялись мне объяснять, что шпионаж за коллегами самое простое и естественное занятие: ни одна группа туристов, ни одна делегация не может обойтись без своего «товарища» и его добровольных помощников.

В нашей делегации было человек 15 писателей и издателей. Когда мы все были на борту «Латвии», я стал раглядывать моих спутников и думал — кто же из них «товарищ?»

«Товарищем» оказался один из издателей. Он подошел ко мне и сказал с кривой улыбочкой: «...привет от Михаила Михайловича».

Он был примитивным дураком. Шпионил он открыто и цинично за каждым из нас пересчитывая нас, как цыплят и прислушиваясь к каждому разговору. Я заметил, что из нашей группы 7 человек были усиленно заняты шпионажем.

Каждый из нас писателей, издателей, журналистов обязан был написать отчет по возвращении из заграничной поездки. Я не избежал общего правила. Меня тревожили догадки, что мог написать «товарищ» в своем рапорте? Мой рапорт должен был в какой-то мере совпадать с его рапортом. Кто-то из нашей группы опоздал на последний автобус (причем «товарищ» позеленел от ужаса). Я добросовестно описал это событие в своем рапорте, как и другие в том же роде. Половину рапорта я посвятил самому себе, что было очень важно — где я бывал, с кем встречался и о чем говорил.

Повидимому мой рапорт не понравился кому-то «на верхах», так как мне пришлось ждать восемь лет прежде чем получить новую командировку за границу.

Все эти восемь лет я прожил в Туле. В течение всего этого времени меня навещали «товарищи». Посещали они не меня одного, а всех писателей без исключения.

Они меня мило и вежливо расспрашивали о моей жизни, о моей работе, о том, чем занимались мои собратья по перу, о чем они говорили.

Я давал только благоприятные отзывы и говорил о них с большим уважением. Мои ответы им, видимо, не понравились и они перешли к угрозам. Я вспылил и ответил им, что я не вижу ничего худого в окружающих меня людях, никаких заговоров и ничего антисоветского. Если бы я заметил что-либо подозрительное, я сам не замедлил бы им об этом сообщить. После этого разговора они больше не появлялись на моем горизонте. Я не смел верить своему счастью! Очевидно именно так нужно было с ними разговаривать. Да и что могло со мной случиться? Я был уже известным писателем, мои книги печатались в сорока странах и я мог позволить себе роскошь не иметь ничего общего с такими личностями. Как я ошибся! Я просто был переведен во вторую категорию писателей.

С 1963 года за мной неусыпно следили. Конечно, не потому, что я был антисоветским элементом или собирался составить заговор.

Наоборот, я был членом коммунистической партии, известным советским писателем и у меня было только одно желание: продолжать писать. Но за мной следовало следить, так как я попал во вторую категорию советских писателей, о которых говорил выше.

Немного позднее я снял комнату в «Ясной Поляне» (имение Л. Толстого), где я продолжал спокойно писать, — но слежка за писателем не прекращалась. — Один из «ученых», работавших в Ясной Поляне, был членом КГБ.

Как-то в кафе офицер КГБ, пересев за мой столик, стал шутить и задавать мне странные вопросы. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— «Послушайте, я догадался, что вы из охраны и что вы мною интересуетесь. Давайте побеседуем по душам. Что именно вы хотите знать? Задавайте мне вопросы, а я буду отвечать прямо. Так будет легче и для вас и для меня.

Он чувствовал себя очень неловко и стал бормотать что он лично мною не интересуется, что я стою выше всяких подозрений, что у меня известные друзья в Москве, что они иногда ведут себя странно и что в общем круг моих друзей...

После этого напряженного разговора он, очевидно, пришел к некоторым заключениям.

Несмотря на террор, у людей иногда хватает достаточно смелости, чтоб помочь тем или иным путем своим ближним. В один прекрасный день мне позвонил совершенно незнакомый человек. Звонил из телефонной будки подле трамвайной остановки. Он мне сообщил содержание моих писем к матери и название иностранных журналов, имевшихся у меня дома: «Что вы делаете? Неужели вы не отдаете себе отчета в том, что вся ваша корреспонденция вскрывается? Что ваши соседи по квартире и справа и слева и в верхнем этаже за вами следят. Что ваши телефонные разговоры записываются на пленку? Он не назвал своего имени и повесил трубку. Спасибо ему.

Через несколько дней появился электротехник, поставил новый запечатанный счетчик, по всей вероятности с запрятанным в нем микрофоном.

Попробуйте спокойно жить в квартире, когда вы знаете, что каждое ваше слово подслушано и зарегистрировано.

В 1967 году я запер квартиру и отправился в довольно длинное путешествие. Через два дня после моего отъезда посреди ночи начался пожар в моем кабинете и все, в нем находившееся, было уничтожено.

Пожарные, подоспевшие вовремя, отстояли от огня всю остальную часть квартиры, хотя мы никогда и не выяснили причины пожара. Но мои бумаги и рукописи чудом сохранились: буквально накануне моего отъезда я передвинул шкаф с рукописями в другую комнату, намереваясь по возвращении устроить там мой кабинет. После этого случая я хранил свои рукописи закопанными в земле. Для этого, кроме пожара, была еще одна веская причина. Когда я уходил из дома, то по возвращении почти всегда находил по различным мелким признакам, что в мое отсутствие кто-то осчастливил меня непредвиденным и таинственным визитом.

Я часто обращался к разным высокопоставленным лицам с просьбой отправить меня в заграничную командировку. У меня было очень мало надежды на осуществление моего желания.

Совсем неожиданно О-во Объединенных Издателей пригласило меня в Париж на целый месяц.

Расходы по поездке вычитались из гонорара, который мне должны были заплатить за «Бабий Яр». Я принялся за хлопоты. Когда они были закончены, мне было сказано, что у Союза Писателей нет денег на такие затраты. На мое заявление, что эту поездку я намерен совершить за свой счет, мне сообщили, что власть имущие против моей поездки.

Я уже сообщил в моих заявлениях, что эти власть имущие делали из моих произведений. Но, кроме моего творчества, они искалечили и мою жизнь. Я больше не смел говорить по телефону, я почти перестал писать письма, я видел доносчика почти в каждом из моих знакомых, я стал задумываться о привлекательности жизни в иных условиях. Какой смысл продолжать такую жизнь? Это было вскоре после процесса Даниэля и Синявского. Книги Солженицына больше не печатались; началась реабилитация Сталина.

У меня было достаточно огорчений. «Они» вдруг решили, что мой роман «Бабий Яр» вообще не должен был бы быть опубликован. В «Юности» мне заявили, что эта книга была издана по недосмотру и что она никогда не будет переиздана.

Я не присутствовал на конгрессе писателей, я не подписывал никаких протестов. Я спасая свою шкуру и ни во что не вмешивался. Многие писатели за это время были вычеркнуты из списков членов Партии и Союза Писателей. Их произведения больше не печатались. Зато «они» продолжали печатать мои романы и «товарищи» продолжали оказывать мне дружеские и милые знаки внимания. Они мне трогательно втолковывали насколько сложна жизнь интеллигенции. Хвалили меня за то, что я не подписывал никаких протестов. Советовали мне повлиять на моих сбившихся с прямого пути друзей и дать им понять, что, если они будут продолжать заблуждаться, то...

Я стал кочевать из города в город, чтоб избавиться от этих «товарищей». Из Москвы в Ленинград, из Ленинграда в Киев.

Ночью 20-го августа 1968 года русские танки вошли в Чехословакию. Я провел несколько дней, слушая радио; многие русские проливали слезы в эти горькие дни. По их мнению захват Чехословакии обозначал поворот к фашизму.

Я отдал себе отчет в том, что так дальше продолжаться не может. Что с каждым проходящим днем, месяцем, годом во мне самом будет расти ужас и трусость...

Русские границы охраняются так же прилежно, как и тюрьмы. Прочтите книгу А. Марченко «Мои показания». У него было только одно желание — бежать. Но он был пойман пограничниками и отправлен в тот же концлагерь ,где теперь находится Даниэль.

Марченко в своей книге дает описание концлагеря наших дней, не эпохи Сталина, но когда читаешь его книгу, то волосы становятся дыбом.

Я получил новое приглашение, на этот раз из Америки от Дайал Пресс, ассигновавшей на мою поездку 5.000 долларов.

Я стал ходить на все собрания в Туле, болтал с «товарищами» и готовил нужные бумаги для поездки в Соединенные Штаты.

Мне опять не повезло. Поездка была запрещена под предлогом, что Дайал Пресс враги Советского Союза. Мне было ясно, что КГБ не хотел выпустить меня за границу. В это же время в советской прессе подверглась жестокой критике моя последняя книга.

Я стал чувствовать себя как загнанный волк, и уехал на Кавказ, в Батум. Все побережье Черного моря охраняется пограничниками. Когда наступает ночь, патрули отгоняют всех от берега. Прожекторы безостановочно обыскивают и бухту и море. Радарные установки с легкостью находят на поверхности воды даже потерянный детский мячик.

Но я решил плыть под водой до Турции, пользуясь дыхательным аппаратом и погрузившись в воду до появления патруля. Плыть я должен был по компасу и только ночью, так как днем меня заметили бы вертолеты, носившиеся над побережьем, как рои мух. Мне было страшно. Я воображал себя перерезанным пополам подводной лодкой на полном ходу. Или, может быть, я просто утону.

Эти размышления привели к тому, что я сделал последнюю попытку попасть за границу официальным путем. Я не думал ни о чем другом; пусть я попаду на Северный полюс или в Сахару, куда угодно, только прочь от негодяев, от КГБ, вон из этой ужасной страны.

Если я еще был жив, то это одно было чудом или недоразумением.

Я давным давно должен был бы быть расстрелян согласно правилам КГБ. Хотя бы потому, что я выбрался из Советского Союза, хотя бы за то, что я пишу сейчас. Но я буду писать до последнего вздоха.

Вот что сделал русский писатель Анатолий Кузнецов. Он пустился в следующие рассуждения — представь себе, что «они» — Гестапо; что может для них быть наиболее интересным? Несомненно, шпионы, информаторы.

Отлично. Я им предложу замечательную информацию. Тут я шепнул нескольким «товарищам», что по моим наблюдениям, в среде советских писателей назревает заговор. Они были поражены и поверили мне, попросив дать им вещественные доказательства.

В моем воображении доказательств было более, чем достаточно.

Я написал рапорт, в котором сообщил, что группа советских писателей собирается издавать опасный подпольный журнал под названием «Полярная Звезда» или «Искра», но они все еще спорят, как лучше назвать журнал. Я указал имена людей, принимавших участие в этом начинании, прибавив, что они собирают деньги и материал для своего журнала. Мне хотелось прибавить, что они собираются взорвать Кремль, но я воздержался от такого заявления, т. к. оно было бы слишком явной бессмыслицей. Мои шпионажные усилия были вознаграждены — я был переведен в первую категорию писателей.

Вот какими путями я добрался до Англии. Я привез с собой микрофильм моего доноса, так как этот донос был самым удачным из моих литературных произведений. Все остальное прошло гладко. Мне потребовалось только шесть месяцев для заполнения различных анкет, дать обещание написать книгу о Ленине и согласиться на сопровождение моей персоны только одним агентом — Анджапаридзе. При таких великолепных условиях мне нечего было ломать себе голову над тем, как плыть под водой в Черном море. (Кто их знает? Может быть у них имеются в запасе радары, действующие под водой.)

24-го июля я вылетел из России на том же самолете, что и Джеральд Брук. Не знаю, кто из нас был более тронут, глядя через иллюминатор на просторы синего неба.

Мне удалось сбежать и я все еще жив. Конечно, я еще не пришел в себя. Мне все кажется, что я распростерт на морском берегу, выдохщийся, стонущий от боли, истекающий кровью.

Теперь я думаю, что многие умные и культурные люди не убегают из СССР, только потому, что их положение там безвыходно.

Я вам вкратце рассказал мои собственные переживания, но будте уверены, что огромное количество советских граждан могли бы вам повторить то же самое. Позвольте мне остановиться на этом.

Благодарю вас, добрый народ Великобритании.

„Бабий Яр"

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Все в этой книге — правда.

Когда я рассказывал эпизоды этой истории разным людям, все в один голос утверждали, что я должен написать книгу. Да и сам я чем больше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что обязан это сделать.

Когда я стал писать обычную документальную повесть, произошла очень странная вещь: правда жизни, превращаясь в художественную правду, в эту знаменитую художественную правду литературы, стала тускнеть. Она становилась, я бы сказал, даже какой-то банальной, литературно обкатанной. Тогда я стал писать, как делал бы юридическое показание на суде, то есть ПРОСТО ТАК, КАК ЭТО БЫЛО.

Предлагаем нашим читателям, которые еще не знакомы с книгами А. Кузнецова, предисловие к его роману-документу «Бабий Яр», изд. «Молодая Гвардия», 1967.

А. Анатоль отказывается от всех книг, которые А. Кузнецов написал в СССР под давлением советской цензуры. По слухам книги А. Кузнецова будут уничтожены в Советском Союзе.

Итак:

Я, Кузнецов Анатолий Васильевич, автор этой книги, родился и вырос в Киеве, на Куреневке, недалеко от большого оврага, название которого в свое время было известно лишь местным жителям: Бабий Яр.

Как и прочие куреневские места, Бабий Яр был, как это говорится, местом моего детства, местом наших игр и т. п.

Потом сразу, в один день, он стал очень известен.

Два с лишним года он был запретной зоной, с проволокой под высоким напряжением, с лагерем, и на щитах было написано, что по всякому, кто приблизится, открывается огонь.

Однажды я даже побывал там, в конторе, но, правда, не в самом Яре, иначе бы эту книжку не писал.

Мы только слышали пулеметные очереди через разные промежутки: та-та-та, та-та... Два года изо дня в день я слышал, и это стоит в моих ушах сегодня.

В конце второго года оккупации над оврагом поднялся тяжелый, жирный дым. Он шел оттуда недели три.

Когда немецкие войска были выбиты из Киева и все кончилось, мы с другом, хоть и боялись мин, пошли посмотреть, что же там осталось.

Это был огромный, можно даже сказать, величественный овраг между тремя киевскими районами: Лукьяновкой, Куреневкой и Сырцом. По его дну всегда протекал очень симпатичный ручей. Склоны крутые, обрывистые, и в Бабьем Яре часто бывали обвалы. Но в общем он выглядел довольно обыкновенно; там есть еще соседний Репьяхов Яр, такой же, и другие, их много там.

С одной стороны оврага на другую перебирался оборванный дед с торбой, и по тому, как уверенно он шел, мы поняли, что он ходит здесь уже не первый раз.

— Дед, — спросил я, — евреев тут стреляли или дальше?

Дед резко остановился, оглядел меня с ног до головы и вдруг как закричит:

— А сколько тут русских положено, а украинцев, а всех наций?

И ушел.

Мы знали этот ручей как свои пять пальцев, мы в детстве запруживали его, устраивая «гатки», и купались.

В нем был хороший крупнозернистый песок, но сейчас он был весь почему-то усыпан белыми камешками.

Я нагнулся и поднял один, чтобы рассмотреть. Это был обгоревший кусочек кости величиной с ноготь, с одной стороны белый, с другой — черный. Ручей вымывал их откуда-то и нес. Из этого мы заключили, что русских, украинцев, евреев и людей других национальностей стреляли выше.

И так мы долго шли по этим косточкам, пока не пришли к самому началу оврага, и ручей исчез, он вытекал многими источниками из-под песчаных пластов, отсюда-то он и вымывал кости.

Овраг здесь стал узким, разветвлялся на несколько голов, и в одном месте песок стал серым. Вдруг мы поняли, что идем по человеческому пеплу.

Рядом тут, размытый дождями, обрушился слой песка, из под него выглядывали гранитный тесанный выступ и слой угля. Толщина этого угольного пласта была примерно четверть метра.

На склоне паслись козы, а трое мальчишек-пастушков, лет по восьми, усердно долбили молотками уголь и размельчали его на гранитном выступе.

Мы подошли. Уголь был зернистый, бурого оттенка, так примерно, как если бы паровозную золу смешать со столярным клеем.

— Что вы делаете? — спросил я.

— А вот! — Один из них достал из кармана кусочки чего-то блестящего и грязного, подбросил на ладони.

Это были полусплавившиеся золотые кольца, зубы, серьги.

Они добывали золото.

Мы походили вокруг, нашли много целых костей, свежий, еще сырой череп и снова куски черной золы среди серых песков.

Я подобрал один кусок, килограмма два весом, унес с собой и сохранил. Это зола от многих людей, в ней все перемешалось — так сказать, интернациональная зола.

Уже тогда у меня была мысль, что надо бы об этом рассказать, с самого начала, как это было на самом деле, ничего не пропуская и ничего не вымышляя.

Вот это я делаю, потому что, чувствую, обязан это сделать, потому что, как говорено в «Тиле Уленшпигеле», пепел Клааса стучит в мое сердце.

Таким образом, слово «документ», проставленное в подзаголовке этого романа, означает, что здесь мною приводятся только подлинные факты и документы и что ни малейшего литературного домысла, то есть того, как это «могло быть» или «должно было быть», здесь нет.

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

ОНТОЛОГИЯ СНА

ОДНУ треть своей жизни человек спит. В младенческий период своей жизни, человек спит гораздо больше половины жизни. Сон считается образом смерти; а пробуждение — образом воскресения. «Уснул, успокоился», говорят о мирно умершем человеке. И верующие молятся о такой «непостыдной, мирной» кончине, об уходе из земной жизни в полной умиротворенности, молитвенной богопреданности. «Успение», говорится о кончине Пресвятой Богородицы.

Наука пытается расшифровать природу и сущность сна; но наука далека от полного объяснения этого феномена, столь важного в жизни человека. Естественная наука может сказать лишь о некоторых, происходящих во время сна физиологических изменениях, или химических процессах в теле; психиатрия и психотерапия стараются проникнуть в психические законы сновидения... Но все тут остается очень шатким, неясным.

Опыт **духоведения** — религиозный опыт — различает три рода сновидений, вернее три подоплеки сновидческих.

Первый род сновидений, наиболее распространенный, — суетные, пустые, как бы никчемные сны, ничего не значущие, ни нравственно, ни умозрительно. Они являются, повидимому, отражением в мозгу человека его повседневных тревог и забот.

Но бывают сны и определенно духовно окрашенные либо некой беспокойной, нехорошей духовной силой; либо светлой умиротворяющей душу. Есть устрашающие сны, лишающие душу мира, отягощающие нас, или нехорошо возбуждающие. И есть сны утешающие, нечто возвещающие — «с неба», от Бога, от светлых сил. Исторически засвидетельствованы пророческие сны. О них неоднократно говорит Библия; эти сны чудесно предупреждают человека, вдохновляют, просвещают, поучают и утешают. Реальность их совершенно бесспорна.

Пророк Иоиль сказал за несколько столетий до Рождества Христова о пророческих снах: «...и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» (гл. II, стих 28).

Примеры пророческих снов светлых, мы видим и в первой главе евангелия от Матфея. Там сказано, что Иосиф, «будучи праведен и не желая огласить обрученной ему Марии, хотел тайно отпустить Ее» И вот только он «помыслил это», как — «Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их»... Далее евангелие говорит, что чрез сон было возвещено Иосифу, как и мудрецам Востока, что они должны были сделать. И они послушались этих ярких откровений во сне.

В Книге Деяний Апостолов, в 10-ой главе, мы читаем о символическом (очень важном, для понимания христианства) полусне, полу-видении апостола Петра. Когда посланные от римского сотника Корнилия шли к апостолу Петру в Иоппию и уже приблизились к тому городу, где был апостол, сам апостол Петр — «около шестого часа», взойдя на верх дома помолиться, — «видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за 4 угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные»... Из этого (как и из дальнейшего) апостол Петр ясно понял, что язычники-римляне его искавшие были посланы к нему от Бога, и он принял их без сомнения. После разговора с посланными от Корнилия, апостол Петр сказал знаменательные слова: «истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему». Здесь ученикам Христовым открылась чрезвычайно важная, для спасения всего человечества, воля Божия о том, что им надо идти с проповедью ко всем народам мира.

Человек может подняться над своей физической и психической реальностью, к реальности «в духе», опыту пророческих видений и сновидений.

В опубликованной в Париже, в «Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения», автобиографии своей, известный ученый хирург Советского Союза, архиепископ Симферопольский Лука Войно-Ясенецкий рассказывает, как после призвания своего на служение Церкви и после посвящения во епископы, он был приведен в город Енисейск и служил там. Вот что сообщает этот известный ученый, советский хирург и архиепископ Симферопольский, Войно-Ясенецкий Лука: «Все священники этого города, сверкавшего множеством церквей и все священники областного центра Красноярска, уже были живоцерковниками и обновленцами. Богослужения я должен был поэтому совершать с тремя сопровождавшими меня священниками, в своей квартире. И вот, однажды, когда я вошел в зал, чтобы начать Литургию, я увидел стоявшего у входной двери пожилого монаха Глядя на меня, он точно остолбенел и даже не поклонился мне. Вот почему это с ним случилось: православные люди города Красноярска, не хотевшие молиться со своими неверными священниками, избрали этого монаха и послали в город Минусинск, к югу от Красноярска, к жившему там православному епископу для рукоположения в иеромонахи. Но какая-то неведомая сила привлекла его не на юг, но на север, в Енисейск, где жил я. Он рассказал, почему так остолбенел, увидев меня: десять лет тому назад, когда я еще жил в Средней России, он видел сон: ему снилось, что неведомый ему архиерей рукоположил его в сан иеромонаха. Увидев меня, он узнал этого архиерея. Итак, уж десять лет тому назад, когда я был только хирургом Переяславль-Залесской больницы, я уже числился архиереем у Бога».

Таких примеров личных откровений человеку во сне можно было бы привести много. И зря антирелигиозники закрывают глаза на эти факты.

Доктор медицины Поль Турнье, известный современный швейцарский мыслитель и писатель (автор книги «Медицина и Личность» и других) говорит о природе этих феноменов в связи с учением психологов цюрихской школы К. Юнга и Мэдера: «Фрейд и его ученики, следуя чисто-механическому и причинному пониманию души, видят в снах лишь «пульсирование инстинкта» и выражение «подавленного желания». Для школы Мэдера, наоборот, сон является «выражением состояния живой личности того, кто видит сны». Усвоив это разделение, Карл Юнг, в своих многочисленных работах. показывает, что именно этот подход ведет нас к истинному пониманию образа души».

«Работы Цюрихской школы открыли науке новые горизонты и взгляды фрейдистов нам кажутся односторонними», говорит доктор Турнье. «Любой сон можно рассматривать, как по теории Фрейда, так и по теории Юнга». Доктор Турнье приводит такой пример: «некоторые автомобили движутся мотором чрез посредство передних колес, другие — колес задних». «Влияние на личность наших животных инстинктов, по теории Фрейда, это есть движение «задних колес» нашей души; а духовные стремления, возникающие по теории Карла Юнга, это движение человеческой души посредством «передних колес».

Душа человека является тем мотором который приводит в движение все четыре колеса одновременно, — в движение приводятся душой как низшие инстинкты, замеченные Фрейдом, так и высшие силы духа, на которые указывает Юнг. Действующий в природе нашей инстинкт может перейти в духовную интуицию и передать человеку высший нравственный зов воли Божьей, научить человека высшему призванию жизни и бессмертию.

Архиепископ Иоанн